

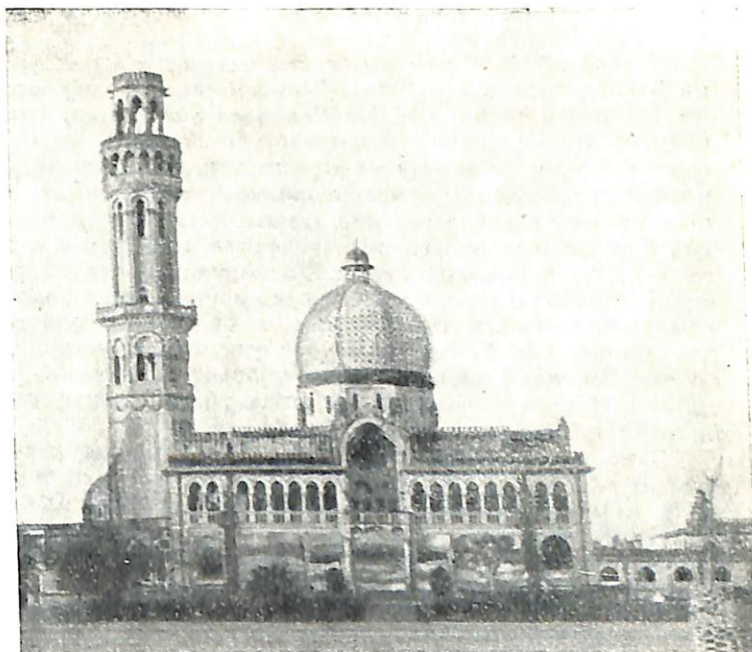
пришлось больше отвечать на их вопросы, чем спрашивать самого. Мои собеседники интересовались жизнью советских людей, учебной молодежи, программами вузов, трудоустройством молодых специалистов.

В их вопросах, кроме интереса к Советскому Союзу, отражалась и тревога за свой жизненный путь. Что делать после окончания университета? Куда пойти? Ведь искать работу им придется самим.

Характерная черта образования в индийских университетах — абсолютное преобладание теории над практикой. Собственно, практика ограничена университетскими лабораториями. Беседуя со студентом факультета права Р. К. Дезалия, я спросил у него, как он мыслит выполнять работу адвоката (это его мечта), если, учась в университете, не проходил практики в суде или адвокатской конторе. Он ответил, что после окончания университета намерен года на два устроиться учеником в контору. Так поступают многие.

Для окончивших университеты есть и другой вид получения практических знаний и навыков. В городах Рурки и Бенаресе имеются инженерные колледжи, а в Бангалоре — политехнический институт. Эти учебные заведения располагают богатыми лабораториями, оборудованными теми машинами, с которыми будущие специалисты встретятся в своей практической деятельности на заводах. Остальные выпускники вузов приобретают необходимые практические навыки в том случае, если могут найти работу или же входят в «дело» родителей. Часто, поступая в университет, студенты ставят перед собой именно эту цель — получить образование, чтобы лучше вести «дело».

Почти все мои собеседники были выходцами из зажиточных семей: лавочников, адвокатов, дельцов. В Индии далеко не всякий может получить высшее образование. Ведь все расходы на обучение и содержание студента несут родители, а сумма этих расходов в месяц разна по меньшей мере зарплате среднего рабочего. Тем не менее в наши дни университет зна-

Один из корпусов Аллахабадского университета.

чительно шире открыл свои двери для людей из не очень богатых семей, чем это было при колониальном режиме. Теперь здесь стали меньше обращать внимания и на кастовые различия студентов.

Аллахабадский университет пользуется в Индии доброй славой. Из его стен вышло немало известных ученых, литераторов и государственных деятелей. Как кузница высококвалифицированных кадров, он в меру своих сил участвует в развитии культуры и науки, в достижении общего прогресса страны.

ИРАК НА НОВОМ ПУТИ

(Письмо из Багдада)

П. ДЕМЧЕНКО

Путь из Дамаска в Багдад мне случилось проделать дважды. Перелет на самолете в конце июля 1958 года, через десять дней после провозглашения Иракской Республики, занял около трех часов. В сентябре мы с корреспондентом «Известий» С. Кондрашовым добирались до Багдада на автомашине более двух суток.

Между Дамаском и Багдадом примерно 800 километров по прямой, но шоссейной дороги нет, большая часть пути проходит по голой каменистой пустыне, где не встретишь ни одного населенного пункта. Песчаные смерчи заматают все следы, оставленные человеком. Боясь заблудиться в каменном хаосе, мы решили держаться нефтепровода, проложенного из Киркука к Средиземному морю. Это удлинит дорогу чуть ли не в полтора раза.

В сентябре, как и в июле, Багдад встречает приезжих нестерпимым зноем. Пелена мельчайшей пес-

чаной пыли висит над городом мутно-серой дымкой. Ртутный столбик термометра нередко подскакивает выше 40 градусов по Цельсию, и жизнь в городе замирает после полудня часов до пяти. Тигр, разрезавший Багдад пополам, заметно обмелел, обнажив у берегов темно-бурое илистое дно.

Багдад сохранил характерные черты старого восточного города. Извилистые улочки стиснуты невысокими, глазным образом двухэтажными, домами в национальном арабском стиле, с верандами на плоских крышах. На каждом шагу — кофейни, на которых только выпить чашечку черного кофе, куда заходят не чая, но и поиграть в «шеши-беши», в карты, побеседовать за стаканом холодной воды.

Центральная магистраль столицы — улица Рашида — также не может похвалиться современным видом. С начала века на ней появилось лишь несколько массивных зданий иностранных банков и фирм в стиле

модерн, который никак не вяжется с восточной архитектурой города.

И все же XX век не мог, разумеется, не наложить на Багдад своего отпечатка. В кофейнях нередко можно встретить телевизор. На балконах минаретов, украшенных причудливой мозаикой, установлены громкоговорители, и муэдзину не нужно теперь подниматься наверх, чтобы созывать прихожан на молитву: на помощь ему пришла техника. Вдали от центра возникли два буржуазных аристократических района. Здесь много зелени, финиковых пальм. Узкие улицы, где разрешено только одностороннее движение, освещаются лампами дневного света. Однако бедняцкие районы, где проживает более половины населения столицы, насчитывающего почти миллион человек, совсем не затронуты реконструкцией. Кварталы убогих лачуг еще плотнее обступили город.

В последние годы берега Тигра соединены пятью вполне современными, широкими мостами. Но подъезды к ним до сих пор не благоустроены. Кучи щебня и мусора, которые можно встретить на любой улице, пустые площадки, отведенные под газоны, где так и не появилось ни цветочных, ни зеленых насаждений, разрушающиеся глинобитные домики, земляные тротуары вдоль асфальтированных мостовых придают городу какой-то запущенный, недостроенный вид.

Таков внешний облик этого знаменитого арабского города, бывшего в средние века столицей могучего халифата Аббасидов. Если к сказанному добавить, что в Багдаде до сих пор нет центральной водопроводной и канализационной системы, нет газа, то станет ясно, что в своем развитии он отстал от века по крайней мере на три-четыре десятилетия.

Но в те знойные дни минувшего лета и осени, которые мне довелось провести в Ираке, город жил совершенно новой для него жизнью. Резолюция 14 июля распрямила плечи иракского народа, вселила в сердца надежду на лучшее будущее. Люди, десятилетиями жившие в страхе, демонстрировали невиданную доселе политическую активность. Молодость старого Багдада чувствовалась не только в нозях, резолюционных названиях улиц и площадей — сами жители казались помолодевшими. Десятки, а может быть, сотни демонстраций прошли в те дни по столичным улицам. На пьедесталах низвергнутых памятников королю Фейсалу I и английскому генералу Моду были начертаны антиимпериалистические лозунги, призывы к защите Республики.

Каждому журналисту не терпелось поскорее ознакомиться с местами недавних событий, поговорить с их участниками. В разгромленном повстанцами королевском дворце Ирхаб можно было встретить корреспондентов газет и пресс-агентств всех частей света. Сравнительно небольшое здание дворца сильно обгорело; не уцелело ни одного стекла, фасад испещрен осколками и пулями, зияет черными дырами пробоин. На стенах комнат сотни надписей: «Такова цена измены», «Всех тиранов постигнет одна участь», «Смерть империализму!», «Хусейн дожидается своей очереди». Так народ голосовал за Республику...

Багдад в сентябре даже внешне заметно отличался от того, каким он был в июле. Вместо солдат на городских перекрестках встали полицейские в белых касках, из скверов исчезли зенитные пушки. Армейские броневики можно было встретить теперь только у здания тюрьмы для политических преступников да у бывшего парламента, где заседал Высший военный трибунал, вершивший суд над предателями народа. Ликование первых недель сменили размеренные трудовые дни.

Упорядочилась и общественная жизнь города. Освобождение политзаключенных и чистка государст-

венного аппарата, которая была едва ли не важнейшей заботой правительства в первые дни после резолюции, в основном были завершены. Почти ежедневно возвращались на родину эмигранты — руководители и участники антиимпериалистических восстаний. Четко определилось стремление правительства направить усилия в первую очередь на решение экономических и социальных вопросов, избавить народ от тягчайшего наследия прошлого — нищеты, невежества, экономического застоя.

Человеку, приехавшему в Ирак из Сирии, бросается в глаза различие в жизненном уровне населения двух этих стран. В Дамаске и Халебе не встретишь столько нищих, как в Багдаде и Басре; нет там таких трупп бедноты, почти исчезла безработица. На багдадских улицах плохо одетые, оборванные люди, порою восьми-десятилетние дети предлагают вам постеречь и помыть машину, отчисти помучки, почистить обувь — словом, оказать сотни мелких услуг в надежде хоть на какой-нибудь заработок...

А между тем по своим возможностям Ирак — более богатая страна, чем ее сосед. Здесь имеются 60 миллионов дунамов (15 миллионов гектаров) пригодной для обработки земли, огромные нефтяные богатства, все необходимое для создания национальной промышленности (включая металлургию) и солидной энергетической базы. Ирак дает 80% мирового сбора фиников.

Но добычу нефти в стране монополизировали международная компания «Ирак петролеум» и два ее филиала — «Басоа петролеум» и «Мосул петролеум», которые находятся под контролем английского капитала. Почти вся нефть экспортируется. От Кикука нефтепроводы ведут к сирийскому порту Баниас и ливанскому — Триполи (ветвь на Хайфу бездействует). «Басра петролеум» проложила нефтепровод от источников Румейла и Зубейр к устью Шат аль-Араба, где построен специальный порт. Директор компании Гримсби сообщил нам, что его фирма предполагает построить новый порт на искусственно намытом острове в Персидском заливе, километрах в двадцати от Фао. Это даст возможность удвоить вывоз (и, конечно, добычу) нефти, так как порт будет принимать супертанкеры водоизмещением в 50—55 тысяч тонн.

Известно, что нефтяные компании выплачивают правительству Ирака начиная с 1952 года 50% номинальной прибыли, то есть 70—75 миллионов динаров (около 200 миллионов долларов) в год. Столкнувшись с безотрадной иракской действительностью, я, естественно, заинтересовался, куда же расходовались эти средства. В монархическом Ираке много говорили об экономическом прогрессе и отпускали на эти цели большие суммы. Так, по пятилетнему плану на 1955—1959 годы предполагалось израсходовать на развитие хозяйства страны 500 миллионов динаров (70% поступлений от нефти, иностранные займы, неиспользованные суммы за предыдущие годы и т. д.). Существовал специальный Совет экономического развития, который должен был рассматривать проекты, предлагаемые различными комиссиями, и рекомендовать лучшие для реализации. Больше половины сотрудников Совета составляли иностранные специалисты — англичане, американцы, немцы из ФРГ, французы. В системе созданного в 1951 году министерства развития, которое должно было осуществлять отобранные проекты, работало более 400 иностранных специалистов. Иракцев оттесняли на второстепенные посты.

Совет ориентировал правительство на постройку аэродромов, линий связи, шоссейных дорог, то есть

таких объектов, которые не дают дохода, а сами требуют дополнительных капиталовложений, объектов, в которых были заинтересованы вдохновители Багдадского пакта. По пятилетнему плану на эти цели предназначалось почти 50% общей суммы ассигнований, а на развитие промышленности и энергетики — всего 14%. Подобное планирование обременяло иракский бюджет, противоречило интересам народа. В результате с годами зависимость Ирака от нефтяных поступлений не только не сокращалась, а, наоборот, возрастала, что давало возможность «Ирак петролеум» и ее филиалам диктовать свои условия.

Подряды на строительство предоставлялись английским, американским, западногерманским фирмам. Они составляли завышенные сметы. Все оборудование и сырье, порою даже камень, ввозили из-за границы. Строительство каждого объекта обходилось втридорога. Так, в 1956 году было завершено возведение плотины «Сарсар» для регулирования уровня воды в Тигре. Построена она непродуманно и бездействует по несколько месяцев в году, а израсходовано на нее столько, что этого хватало бы на строительство по крайней мере еще одной такой же плотины. Таким образом, к иностранным фирмам уплывали почти все доходы от нефти.

Но это еще не все. В то время взяточничество в системе министерства развития приобрело катастрофические размеры. Должность главы министерства считалась одной из самых доходных в стране. Иностранные фирмы не скупились на подачки, чтобы получить выгодные подряды и скрыть завышение смет. Верхний слой чиновничества презрительно по сути дела в их послушных агентов. Министры строили на взятки дома в лучших кварталах столицы, чиновники каждый год меняли легковые машины.

Так, по выражению одного иракского инженера, народные деньги «выбрасывали в форточку», а простой народ продолжал прозябать в нищете. Подобная политика имела и еще одно пагубное последствие. Все более подчиняя Ирак иностранному влиянию, она сузила сферу деятельности национальной буржуазии, которая так и не вступила в полосу расцвета.

В Багдаде нам рассказали о намерениях правительства Иракской Республики оздоровить экономику страны. Прежде всего оно ликвидировало старый Совет экономического развития и создало новый — под председательством премьер-министра Абдель Керим Касема. В основе деятельности Совета лежит стремление как можно скорее поднять жизненный уровень населения. В качестве первоочередных задач выдвинуты две: во-первых, изменить осуществляемые проекты с тем, чтобы они соответствовали интересам страны, во-вторых, разработать планы на будущее, предусматривающие индустриализацию. В ближайшее время предполагается начать строительство нескольких заводов — металлургического (для переплавки металлолома), сахарного, завода химических удобрений, бумаги. Основная цель экономической по-

литики правительства, по словам руководящих деятелей Иракской Республики, — увеличить национальный доход, сократить зависимость бюджета от нефтяных поступлений. Правительство отказалось от односторонней ориентации внешней торговли только на западные рынки и предпринимает решительные шаги для восстановления торговых отношений с ОАР, Советским Союзом, странами народной демократии.

Со дня резолюции проблемой номер один стал вопрос о проведении аграрной реформы. Камилль Чадарчи, лидер влиятельной Национально-демократической партии, к которому я обратился с просьбой рассказать о роли аграрных преобразований в стране, подчеркнул, что их значение не исчерпывается ограничением размеров земельной собственности и наделением крестьян землей. Меняется роль феодалов в обществе. Прежде они были хозяевами страны, через них англичане осуществляли в Ираке свое господство. Теперь феодалы лишены политической власти, судебной, административной, хотя их место в экономике остается пока значительным. Возможно, это только первый шаг. Осуществление реформы натолкнется на трудности, потребуются большой правительственный аппарат, чтобы сломить сопротивление шейхов. Однако, сказал Чадарчи, надо преодолеть любые препятствия, чтобы поднять жизненный уровень народа.

* * *

С первого шага на иракской земле советский человек чувствует, что попал в страну друзей, что здесь любят его родину, стремятся как можно больше узнать о ней. Ни один иракский собеседник не отпустит вас, не угостив чашечкой кофе, бутылкой холодного «Синальско» или «Осанжо», не задав доброго десятка вопросов; незнакомые людижимают вам руки. Уже через две недели после революции на экранах Багдада и Басры демонстрировались советские фильмы «Отелло» и «Артисты цирка», в книжных магазинах появились переводы с русского на арабский: сборник «Ленин и национальный вопрос», «Мать» Горького, рассказы Чехова.

В конце сентября советские журналисты посетили центр Иракского Курдистана — Сулейманию. И первым, что они услышали, выйдя из машины, были два простых и теплых русских слова — «мир, дружба». Их привезли сюда участники Московского фестиваля молодежи.

В Киркуке рабочий-нефтяник Мустафа Исмаил напомнил нам арабскую пословицу: «Один друг — немало, но и тысяча — слишком много». И во времена Нури Саида, сказал он, мы хорошо знали, что советский народ — наш друг, первый из тысячи.

Речь Мустафы на местном диалекте мы понимали с трудом, переспрашивали его по нескольку раз. Но, едва начав разговор с ним, почувствовали, что он говорит на языке, понятном каждому советскому человеку и каждому арабу, — на языке дружбы.

